

Я очень хорошо помню, когда увидела первую работу Вадима Абдрашитова — было это во ВГИКе, на студенческом фестивале. Картина называлась «Репортаж с асфальта», и сразу поразила уверенная, жесткая рука ученика Михаила Ильича Ромма. А потом был первый игровой фильм, который сразу заметили, — «Слово для защиты».

А потом мы познакомились, и знакомство это оказалось нельзя сказать чтобы очень приятным: на обсуждении картины «Парад планет» в московском кинотеатре «Зарядье», на заседании киноклуба — тогда их еще «зажимали», и вараду было мало. Это, а еще некоторая выморочность самой дискуссии, которую мне как раз и пришлось вести, ошутимо раздражало Абдрашитова. Он прямо говорил, что не видит смысла во всей этой говорильне для узкого круга (почему не прямо в зале?) Не знает, кто эти люди и кто их сюда и зачем собрал. Действительно, люди сидели немножко странноватые, какие-то явно заорганизованные и пришибленно молчаливые.

К тому времени я уже не раз писала о фильмах Абдрашитова и невольно подумала: суровый товарищ. Уж не зазнался ли он? Ну собрались люди в морозный, поздний вечер после сеанса, ну пусть не такие уж говоруны — время было еще не очень разговорчивое, глухое время, но ведь пришли же! Что же он их так-то? Тем более, что и фильм они видят, явно опередивший время. Сейчас даже трудно себе представить, как он мог тогда выйти на экран? Вернее, как он мог быть сделан! Вспомните хотя бы одну сцену в картине — встречу героев с прошлым. С прошлым страны, биографии, поколения. Это эпизод, когда герои, заблудившись в галактиках (их условно «убило» на учебных стрельбах), попадают в дом престарелых. Но как и весь фильм — метафора жизни, так и эта встреча с сонмами стариков, бредущих подернутыми осенним дымом аллеями — встреча с тенями если не ада, то уж во всяком случае чистилища. Сделать такой фильм в эпоху, когда эти тени не по аллеям, но коридорами власти бродили, когда не было еще нынешних массовых разоблачений, но жуткое ощущение апокалипсиса уже висело в воздухе, — вот это было поистине предвидение художника. Ясность произведения обрушилась на всех нас каких-нибудь два года спустя, но фильм-то задумывался не при свете, но в полной и безысходной тьме застоя.

Теперь признаюсь, что хотя давно дружу с Абдрашитовым и много в разное время о нем писала, тем не менее отнюдь не склонна к сплошной апологетике его творчества. Естественно, у столь активно работающего режиссера не может быть ряда сплошных удач, как на подстриженном газоне. Или, вернее сказать, не может быть сплошных «приятных» — то есть чтобы все его картины равно всем одинаково нравились. Даже внутри одного фильма возникают конфронтации, перепады «давления»; скажем, мне активно не нравятся героиня «Слова для защиты» адвокат (Галина Яцкина) в противовес удивительной ее подзащитной — Марине Нееловой или новоявленному обаятельнейшему

прагматиком Славику (Станислав Любшин). Почему-то не получились интересными работы Абдрашитова с таким интереснейшим актером, как Олег Янковский — в том же «Слове для защиты» и в «Повороты».

Мне не нравится «Плюмбум» своей излишней жесткой рациональностью и априорной тенденциозностью. И то, и другое имеют право на существование в искусстве и вообще свойственны манере режиссера и его постоянного соавтора — Александра

бой за нее посылаются пешки.

— Много говорят сегодня о судьбе наших фильмов за границей, о том, что, получая множество призов на престижных фестивалях, они тем не менее не прорываются в широкий коммерческий прокат. Вот тот же «Слуга» — мол, это чисто наше, советское явление...

— Надеюсь, что история «Слуги», будучи чисто советской, одновременно и общечеловеческая. Наверное, поэтому фильм получил приз Международного еван-

люционному значению. Последнее, правда, сегодня подвергается основательной ревизии: есть и такая точка зрения — мол, дворцовый переворот. Одна партия, молодых, в данном случае, сменила другую — те самые тени прошлого, говоря языком фильма самого Абдрашитова. Но вот незадача! Тени-то тенями, но ведь среди них и классики живые, разве можно было их сбрасывать с корабля истории? Да хоть тот же Юлий Райзман, друг и сподвижник М. И. Ромма и постоянный художественный руководитель объединения, где сделаны все фильмы Абдрашитова. Мне хорошо известны их длительные дружеские отношения, никак, впрочем, не исключающие ни взаимной требовательности, ни споров,

люционным временем нашим лидерам это показалось недостаточно радикальным, поскольку базировалось на идее государственного протекционизма. Сейчас это стало очевидным, но тогда звучало чуть ли не реакционно. Нет, нельзя отрицать того, что, скажем, на «Мосфильме» мы добились многого. Но... Взамен идеологической возникла цензура иная, и не известно еще, которая пострашнее, — коммерческая.

— Но разве государство не должно проводить гибкую протекционистскую политику по отношению к серьезному кино? Ведь такая политика ведется всюду — не только в высокоразвитых, а даже в африканских странах. Но у нас расцветает кооперативное, хозрасчетное кино.

Вадим АБДРАШИТОВ:

Правда - 1991 - 16 мая - с 3.

«Как восстанавить порушенное?»

Миндадзе. Но то, что абсолютно покоряет и убеждает в «Параде планет» какой-то надзвездной искренностью, не радует холодной рассудочностью в «Плюмбуме».

Зато все для меня искупила удача «Слуги». До сих пор убеждена, что это одна, а быть может, и самая сильная работа всего нашего перестроенного кино. Помню, как переживала за этот фильм и за несколько холодноватое отношение к нему по статьям о Западнберлинском фестивале. Правда, говорили, что там картину просто не поняли — слишком много в ней наших реалий, «им» неинтересных или недопустимых. Никогда с этим не соглашусь. Абдрашитов и Миндадзе жгучую злобу дня нашего сегодняшнего удивительно сочетают в этом фильме с просторностью размышления об общечеловечески понятной категории «хозяин — раб». Можно ли оторвать одно от другого? Эту иерархию внутри человека, которой держалось наше общество, вскрыл Абдрашитов вместе с потрясающим актером Олегом Борисовым так предельно категорично, как никто другой.

— Кстати, о «Слуге» и о герое Борисова. Внеси ясность: вот когда бывший шофер, а ныне знаменитый дирижер встречается на проселочной дороге своего «хозяина» — что, тот уже изгнанный, потерпевший крушение? Или это просто одна из его масок?

— Конечно, не изгнанный. В том-то все и дело, что такие люди не терпят крушений, они вечны. Бесовщина власти — вот имя этому явлению, и о нем мы с Миндадзе тоже хотели сказать в своем фильме. И о грязной борьбе за эту власть, когда в

гелического центра в Западном Берлине: я уже не помню точно, но формулировка выражает во многом суть нашего замысла — соединение слуги и хозяина в одном лице и борьбу против духовного рабства в человеке. Значит, все-таки поняли.

Что же касается советского кино, русской культуры, русской литературы, то и на Западе тоже все это рассчитано на ту же прослойку серьезного зрителя, которая никогда и нигде в мире не была большой. Хотя меня поразила в этом смысле реакция на нелюбимый тобой «Плюмбум» в Венеции: огромное количество рецензий, где суть схвачена очень точно, хотя, казалось бы, это настолько наша, советская история.

— Как получилось, что ты согласился на демонстрацию «Слуги» по ТВ в тот момент, когда возник вопрос о праве студий на фильмы и все начали отказывать телевидению?

— По-моему, это неумно, телевидение — гигантская аудитория и пусть кто-то (и даже много кто) не захотел смотреть в тот вечер «Слугу», но ведь кто-то и захотел, и посмотрел — разве это так мало и разве не для этого мы все работаем? А что касается экономической стороны дела, то «Мосфильм» за показ «Слуги» смог показать коммерческую рекламу нескольких своих новых фильмов — в наше время кинематографического «безбрежья» и засилья плохого зарубежного кино это не так мало.

...На V съезде кинематографистов Вадим Абдрашитов был избран секретарем нового правления киносоеюза. Уже горы статей и исследований написаны и

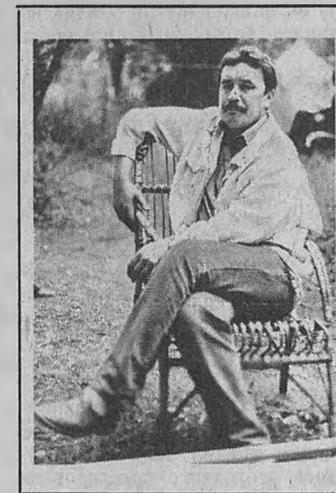
ни разных во многом подходов к творчеству. Но разве можно вот так просто отсекают одно поколение от другого, что стало одной из главных отправных точек деятельности нового киносоеюза?

Говорить об этом надо сегодня, пусть и написаны тома. Если уж писать об Абдрашитове, то куда не уйти от оценки революционного переворота в кино, тем более что сегодня мы все несколько поостыли от революций, больших и малых. Вот и размышляешь невольно — в чем же все-таки дело? Почему не получилось? Или получилось не так и не то, что хотелось бы? Ведь пришли к руководству, казалось бы, талантливые, яркие, смелые люди, сами немало пострадавшие от системы. Кому же как не им было вести кинематографический корабль сквозь все рифы и препятствия?

Абдрашитов был одним из самых деятельных участников нового движения, он искренне верил в перемены — и многое действительно изменилось, прежде всего на студии «Мосфильм», бывшей всегда хоть и «авангардом», но в такой же степени и бастионом несокрушимых традиций в нашем кинематографе.

— «Новая модель» кинематографа, в разработке которой ты сам принимал участие, как она сегодня работает?

— Я скорее занимался другим — в так называемом «координационном совете» по внедрению «модели» вместе с моими товарищами мы разрабатывали механизм экономической защиты некоммерческого кино, отечественного и национального кинематографа. Но по тем р-р-рево-

Смотришь ли ты эти фильмы и что о них думаешь?

— Когда вет традиций свободы, ее каждый понимает по-своему. Открылись шлюзы бог знает для чего. Но среди этого моря фильмов, не исключая, могут возникать и определенные серьезные явления. Почему нет?

— Актеры, прекрасные актеры сегодня снимаются в этом кино...

— Потому что государство, даже наш «Мосфильм», не в состоянии платить такие деньги. Кстати, я здесь ничего плохого не вижу — и надо платить такие деньги, и надо государству думать, как их платить, иначе все сбегут. Ты права, обнищание государственного кино приводит к тому, что актер, снимающийся одновременно в десяти фильмах, не может сосредоточиться на одном, серьезном, который может составить его судьбу, жизнь. А может быть, стать фактом всего нашего кино.

— Мне приходилось слышать от кинематографистов, что идея спонсорства, «овладевшая» было массами, сегодня уже не кажется столь привлекательной: спонсоры дают деньги, но их же потом и забирают. Слышала, например, про казус с фильмом

«Бакенбарды», который вообще в результате куда-то исчез...

— Прокат вообще область ослабленного внимания. Приходят письма постоянно: где посмотреть вашу картину? В городе должен быть кинотеатр, где регулярно идут новые советские фильмы, разные, любые, и не коммерческие, естественно. Государство должно заинтересовываться прокат, чтобы ему было выгодно показывать их. Понимаю, это очень нелегко. Но такая политика ведется во всех странах... Вот это основная задача, главная — как сохранить отечественный кинематограф. Тем более кинематограф национальный, переживающий сейчас самые трудные времена.

Ситуация складывается таким образом что необходимо принятие закона о кинематографе. Иначе вся наша работа окажется бессмысленной.

...Последний раз мы разговаривали с Абдрашитовым на съемках его нового фильма «Армавир!» Съемки были в Севастополе, Геленджике — речь идет о крушении корабля. Вернее, о крушениях судеб. Как и в «Слуге» и в «Параде планет», это притча о времени.

На съемках я почти не подошла к Абдрашитову — понимала, ему не до разговоров. Съемки начинались где-то в девять утра, но ведь я-то знала, что кончились они в два ночи. И, признаться, поражалась выдержке и железному спокойствию режиссера, хотя понимала: он как сжатая пружина (в просторечии говорят «все на нервах»).

— Расскажи о твоём последнем фильме.

— «Армавир!» — это меньше всего фильм-катастрофа. Катастрофа там занимает ничтожную часть ленты. Главное, как люди ищут и друг друга, и, быть может, самих себя — после катастрофы. Да, наверное, этот фильм о нашем времени — времени распада связей. Но одновременно — и об осознании необходимости восстановления этих вековых связей. Иначе просто не выплывем.

— Вадим, не секрет, что сегодня у многих художников, активно работавших «на сопротивление материала», наступила сильно затянувшаяся пауза — хотя бы у Германа, Климова, других. Есть вообще точка зрения, что наше время — не время муз...

— Может, здесь есть какие-то закономерности, но, думаю, в каждом случае свои. Конечно, наше время — время факта, публицистики. Говорят, нужна дистанция, чтобы отобразить происходящее, наверное, это так. Но я не могу до такой степени отстраниться от происходящего. Мне всегда интересно именно то, что только рождается, иногда незаметно, подспудно. Не всегда подспудное очевидно зрителю. Да подчас и критике. Но так получается, что приходит время фильма и становится ясным, что в картине были не химеры, не авторские фантомы, а, надеюсь, выявленные, схваченные, вполне реальные тенденции нашей жизни.

Валентина ИВАНОВА.